

За шесть дней

– Спасибо за покупку! – звучит за моей спиной, как всегда громкий и бодрый голос мясника.

Я иду по дороге, что ведёт в резиденцию Амбрелла. Вчера я несла на спине огромного Ля Бьера, а сегодня – тёмно-красную коровью ногу и пучок зелёного лука, которые выглядят, как два меча, за моими плечами.

Я быстро иду вперёд, а взгляды прохожих устремлены на меня. Если подумать, то меню ужина в резиденции Амбрелла всегда раскрывается перед жителями города. Вчера был тушёный Ля Бьер, а сегодня будет овальный суп из говядины с луком.

Зайдя за угол и пройдя через площадь фонтана Венеры, я оказываюсь на главной дороге промышленной улицы.

Овал – это живописный город, окружённый каналами, и с высоты птичьего полёта он выглядит, как овал. Когда-то город страдал от наводнений, но теперь, когда построена канализационная система, количество туристов и жителей постоянно увеличивается. К слову, место, где работает профессор, первая робототехническая лаборатория Овального Университета, – самое высокое здание в городе.

Центр по исследованию роботов практически превратился в аттракцион для туристов, поэтому жители овального города довольно терпимо относятся к роботам. По крайней мере, на автобусах и в ресторанах нет надписей, вроде: «Роботам вход запрещён». Но даже в таком городе не все люди толерантны к роботам. Например, сейчас некоторые домохозяйки, живущие где-то поблизости, шепчутся: «Смотри, это робот той профессорши». – «Вот бесстыдница». На деле, я не специально подслушивала их разговор, просто во мне действует функция для автоматического опознавания звуков, раздающихся рядом со мной.

Мне следует отметить, что я – обычный робот, созданный профессором и используемый для работы по дому, мой сертификационный номер – HRM021-α. Моя работа заключается в выполнении работы по дому и общении с профессором. Кроме этого, нет ничего особенного. Просто многие люди любят сплетничать, и эти слухи обычно становятся всё хуже и хуже. Среди наиболее гнусных из них тот слух, что ведущий исследователь роботов Венди вон Амбрелла – лесбиянка, и что у неё нездоровый интерес к роботам, смоделированным под молодых девочек. Возможно, они возникают от того, что профессор одинока, и она прогнала всех мужчин, которые пытались ухаживать за ней.

Пользователи, которые используют роботов женского пола для «таких нужд», действительно существуют. Я не могу отрицать этого: прибыль от этих услуг подпитывает большую часть робопромышленности. Некоторые богачи иногда покупают несколько роботов одной и той же модели, чтобы создать «виртуальный гарем».

И всё же, профессор не такой человек.

Она никогда не отдавала мне никаких приказов, связанных с сексом. Я могу сказать это с уверенностью, прослужив у неё три года.

Профессор создала меня из-за своей сестры, погибшей в автокатастрофе.

Это случилось осенью, четыре года назад. Однажды, сестры Амбрелла отправились в отпуск. Профессор была за рулем. Тогда их машина столкнулась лоб в лоб с грузовиком, выехавшим за разделительную полосу. Виновным в аварии, разумеется, был водитель грузовика, но профессор чувствовала себя ответственной за смерть своей сестры. С того дня в резиденции Амбрелла нет автомобилей.

Поскольку их родители умерли, когда сёстры были ещё юны, им приходилось опираться друг на друга. В той аварии профессор неожиданно потеряла своего единственного члена семьи – свою сестру.

Ирис Рэйн Амбрелла. Имя её погибшей сестры, а также и моё имя.

Потому я – «замена». Прямо как круговые сигареты – это замена для обычных сигарет, мы просто подделки, выглядящие, как оригиналы. Каждый раз, когда моя фигура отражается в глазах профессора, она смотрит не на меня, но ищет во мне свою сестру.

Но меня всё равно это устраивает. Профессор всегда заботится обо мне: если мне захочется погулять или получить что-нибудь, она выслушает мою просьбу. И самое важное, она всегда нежна ко мне. Если же я не удовлетворена этим, то я, в самом деле, чересчур капризна.

Иногда – в самом деле, иногда – я чувствую покалывание в груди, похожее на укол от шипов розы, но я уже привыкла к этому.



После ужина наступает время для еженедельного техосмотра.

– Начнём.

Профессор в белом халате входит в лабораторию с горой папок в руках. Видя такую картину, я показываю своё недовольство и отворачиваю голову.

Потому что я ненавижу техосмотр.

– Не двигайся.

Профессор тут же достаёт из кармана маленький фонарик, с щелчком нажимает на переключатель и направляет его в мои глаза. Это действие не предназначено для того, чтобы убедиться в моей смерти; это простой тест для проверки функционирования моих зрачков.

Затем профессор вытаскивает несколько карт, смешивает их с жестами волшебника и быстро раскладывает их передо мной. Я прямо называю картинки, которые я вижу:

- Звезда, крестик, яблоко, бумага.

- Отлично.

Кажется, моя динамическая зрительная система функционирует исправно.

После этого профессор говорит, как нянька, кормящая ребёнка: «Ладно, скажи: "А-а"». С этого момента я начинаю чувствовать некоторое смущение. Профессор раскрывает мой рот руками в перчатках, внимательно осматривая состояние моего рта. Я невольно издаю странные звуки.

Профессор быстро записывает результаты на листке. Эта бумага - официальный документ, который после будет передан соответствующим органам. Закон гласит, что робот в обычной семье должен проходить техосмотр каждые полгода.

Для меня же он проводится раз в неделю. Возможно, мне приходится проходить различные осмотры так часто, потому что я робот новой модели.

— Теперь осмотр кожи.

«Вот и он! Просмотр кожи!»

Как и гласит название, осматривается поверхность моей кожи. Что означает...

...Я должна раздеться.

- Сначала лицо.

Профессор подтягивает меня к себе, держа моё лицо обеими руками.

«А-ах!»

Профессор глядит на моё лицо так, словно хочет прожечь в нём дыру. Её янтарные глаза приближаются ко мне.

- Хм-м... - профессор осматривает меня с серьёзным взглядом. Моё тело застывает, но сердце начинает биться быстрее. Если я пошевелюсь, то наши лица коснутся друг друга.

- Кожа лица в порядке, - профессор отмечает результат.

Затем она говорит так, словно ничего не случилось:

- Теперь, сними одежду.

- Хорошо.

Я, нервничая, снимаю носки и кладу их в корзину для одежды. Затем я снимаю свой головной убор, передник и платье, оставив на себе лишь лифчик и трусики. Я не чувствую холода: моё тело горит.

Профессор попросила меня снять одежду не из-за извращённых интересов. Осмотр кожи предназначен для выявления царапин и изменений моей искусственной кожи. Профессор с серьёзным взглядом проверяет мою шею, плечи, руки, живот и спину.

«А-ах... фух».

Искусственная кожа ощущает дыхание профессора, посылая мурашки по моей спине. Хотя я и прохожу этот осмотр уже три года, я до сих пор не привыкла к нему.

– Ладно, сними лифчик.

– У-у-у...

– Что такое?

Я подбадриваю себя в душе, говоря: «Нет... Ничего», и протягиваю руку к своей спине. Если я не стану делать этого, то это просто затянет осмотр.

Я снимаю свой светло-голубой лифчик, открывая свою белую грудь. Не слишком маленькая и не чересчур большая, мягкие очертания, превосходно подходящие девочке такого возраста – так сказала профессор. Меня создали на основе внешности сестры профессора, так что её грудь, скорее всего, была такая же.

Профессор снимает очки и начинает осмотр. Я смущена настолько, что у меня изо рта вот-вот вылетит огонь.

– Хорошо, сними трусики.

Профессор записывает результаты на бумаге и холодно даёт мне инструкции.

«У-у-у».

Я кладу пальцы на трусики и неохотно снимаю их. Если честно, то из-за предельного смущения я едва не падаю в обморок.

Сняв трусики, я оказываюсь раздетой догола.

– Посмотрим...

Профессор тут же приседает на корточки. Затем она внимательно осматривает мой «перед» и «тыл». Я чувствую дыхание профессора, а её лоб слегка касается низа моего живота. Если кто-то увидит это, то они определённо поймут всё не так.

- Хм... Это...

Холодный голос профессора неожиданно становится резким. Похоже, что она нашла «это».

- Снова точки? - я спрашиваю её, пока профессор говорит, проверяя: «Да. Одна на правой ягодице».

Затем она пальцем дотрагивается до точки. Моё тело вздрагивает.

- Диаметр - пять сантиметров, светло-сиреневого цвета...

Профессор записывает данные о точке на бумаге. По какой-то причине, моё тело иногда оказывается обсыпанным маленькими точками. Их положение на теле изменяется, а иногда они появляются на моём лице. Сначала я была шокирована, но я уже привыкла.

- Её можно убрать?

- Конечно, - Профессор достаёт инструмент, который даже тоньше, чем фонарик, и прижимает его к точке. Это называется очищением методом оптического расщепления, или «очищением пятен» искусственной кожи. - Готово.

Профессор хлопает по моей ягодице. Я прикасаюсь к месту, где была точка, затем быстро надеваю лифчик и трусики. Повезло, что точка оказалась маленькой, иначе бы мне пришлось бы и дальше стоять раздетой.

- Давай передохнём, - сказав это, профессор выходит из лаборатории.

Поскольку здесь курить запрещено, она будет курить в коридоре.

Осмотр, наконец, закончен. Я расслабляюсь и вздыхаю.

Ради репутации профессора мне стоит объяснить причину, по которой профессор лично осматривает меня, а не привозит к специалисту. Если я откажусь от обычного осмотра, то мне придётся пойти в специализированные компании и показать свое обнажённое тело мужчинам. Мне страшно даже при мысли об этом.

Потому профессор получила квалификацию робототехника и сама осматривает меня. Вдобавок, это помогает устранять хлопоты по походу различные государственные заведения. То есть, я могу проходить осмотр дома только благодаря профессору.

«Даже если я и понимаю...»

Профессор снова садится на стул через пять минут, сказав: «Что ж», – и скрещивает руки. Осталось ещё много документов, и мне нужно пройти через сканирование ментальной цепи, проверки управления действиями и предохранительной цепи.

Я подавленно, с обидой смотрю на профессора, словно ребёнок, глядящий на доктора, держащего шприц.

Заметив мой взгляд, профессор говорит странным голосом испорченной девочки: «Есть что сказать, мисс Ирис?» Судя по её губам, её это веселит.

– Ничего! – я недовольно поворачиваю голову в сторону.

<http://tl.rulate.ru/book/1055/21116>